

ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И СПОСОБЫ ЕЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

*Работа представлена кафедрой английской филологии
Саратовского государственного университета.*

Имплицитность в статье рассматривается как необходимый компонент смыслового содержания текста, включающий в себя как имплицитные пропозиции от эксплицитно сообщаемого в тексте, так и обобщения от имплицитных пропозиций, а также корреляции между обобщенными значениями разных пропозиций. Обобщения и корреляции возможны через художественные категоризации, рассмотреть которые помогает лингвистический эксперимент.

Ключевые слова: *имплицитность, автоматичность, пропозиция, макропропозиция, обобщение, корреляция, категоризация, реконструкция.*

E. Yermakova

IMPLICITNESS IN FICTION AND WAYS OF ITS EXPERIMENTAL STUDYING

Implicitness is described in the article as a necessary component of the textual meaning which includes implicit propositions from what is given in the text explicitly, generalisations from implicit propositions and correlations between generalised meanings of different propositions. Generalisations and correlations are possible due to categorisations in fiction, which are studied through a linguistic experiment.

Key words: *implicitness, automaticity, proposition, macroproposition, generalisation, correlation, categorisation, reconstruction.*

Понятие «имплицитность» активно используется как в филолого-лингвистических исследованиях, так и в работах по психологии. Полагаем, что использование термина в науках, имеющих много общего в отношении методов и предмета исследования (экспери-

ментальные методы для исследования языка) не может не иметь точек соприкосновения; в ином случае понимаемые различно термины теряют свою функциональность. Психология и филологическая наука уже достаточно долгое время обогащают друг друга, чтобы вы-

работать некоторый общий (или хотя бы частично пересекающийся) терминологический ресурс.

В психологии (когнитивной психологии, в частности) «имплицитное» используется как практически полный синоним «автоматическому» (с некоторыми оговорками). Эти идеи высказаны, в частности, в работе Я. Де Хоувера и А. Морс [9]. «Автоматичность» они определяют как неконтролируемость, неинтенциональность, высокую скорость обработки данных. Соответственно, черты, которые присваиваются «неавтоматичности», – это сознательность, контролируемость, интенциональность, наличие усилия, замедленность. Де Хоувер отмечает, что большинство процессов, происходящих в сознании, обладают чертами как автоматическими, так и неавтоматическими. Например, обработка значения слова автоматична, поскольку не зависит от интенций и времени, однако проявляет и черты неавтоматичности, будучи зависимой от внимания, направленного на слово [9, p. 182, 183].

К сходным выводам приходят и психолингвисты. Наблюдая за тем, как связный текст воспринимается читателем, Н. В. Рафикова пишет: «в процессе интеграции могут участвовать осознаваемые единицы, единицы разной степени осознания, неосознаваемые единицы» [3, с. 86]. Более того, «альтернативные значения, которые сначала находились на слабо осознаваемом уровне, могут переводиться на более осознаваемый уровень понимания» [3, с. 88].

Вообще, постоянное, полное осознание воспринимаемого нерационально: «стратегия, которую нужно использовать сознательно и которая требует особых усилий, имеет ограниченное применение, поскольку во многих реальных ситуациях для применения такой стратегии в наличии имеются лишь ограниченные ресурсы. С другой стороны, хорошо отработанные, полностью автоматизированные стратегии могут работать параллельно, не перегружая систему» [2, с. 175]. По мнению Т. А. Ван Дейка и В. Кинча, «ряд идей может находиться на границе сознания; подобные идеи непосредственно доступны

сознанию, но, как правило, не осознаются <...> то же относится к целям, а также к топике и основным темам самого текста <...> в сознании они отсутствуют, хотя и влияют активно на способ понимания дискурса и в любой момент могут быть помещены в фокус внимания» [2, с. 193]. Таким образом, парадоксальность ситуации заключается в том, что важнейшие для осознания текста единицы, а именно цель текста и его основные темы, в большой степени неосознаваемы.

Понятия цели и основных тем текста тесно связаны с понятиями пропозиции и макропропозиции текста. Под пропозицией текста понимаются наиболее часто прослеживаемые элементы, которые высвечивают важную информацию, необходимую читателю, чтобы достичь понимания подразумеваемого смысла. Макропропозиции – это смысловые единства, которые нужны, чтобы в организованной форме представить идеи автора [7, p. 169]. Пропозиции и макропропозиции в художественном тексте обладают особыми свойствами и отличаются от логических пропозиций, лежащих в основе высказывания. Ситуация, описываемая в тексте, в сознании читателя вызывает «ментальную симуляцию», подобную реально переживаемому [14]. По определению Л. В. Барсалау, такая репрезентация опирается не на условные амодальные символы, а на «перцептуальные символы», модальные и являющиеся результатом процедуры аналогии [4].

Филолог, исследующий художественный текст, сталкивается с имплицитностью тогда, когда она выводится тем или иным способом из состояния полного автоматизма: полная имплицитность автоматического восприятия перерастает в неполную имплицитность художественной категоризации текста. Под категоризацией мы понимаем переход на новый уровень понимания, осмысления текста: «Процесс категоризации не виден реципиенту, но результат таков, что, отчитываясь (перед другими или перед собой) о понятии, мы говорим и думаем о том, что возникает из результатов смыслов и средств – о метасмыслах (вплоть до художественных идей) и метасредствах, также и о метасвяз-

ках. Схемы действия при понимании текста – это упорядоченные в каждый данный момент понимания наборы всех этих метаединиц, выросших из процесса, где частные единицы (элементы) соединялись в метаединицы и “подминали” под себя последующие элементы» [1, с. 43].

Традиционно в литературе выведению из автоматизма и категоризации служат такие методы, как авторские сентенции, философские отступления, ситуации обострения конфликта, когда персонажи открыто высказывают свои точки зрения, введение персонажа – рупора идей автора. Поскольку в этом случае важные для текста идеи высказываются прямо или практически прямо, такие методы можно назвать прямыми. Параллельно с прямыми в литературе использовались и используются многочисленные косвенные методы представления важных для текста идей: создание в тексте психологически сложных, неразрешимых однозначно ситуаций, соотносимых с реальными; введение в текст нескольких (часто противоречащих друг другу) точек зрения, введение неоднозначных образов и т. д. Косвенные методы письма обостряют внимание читателя и выводят восприятие из автоматизма, однако доступ к метапропозициям текста чаще всего оказывается возможным лишь через художественные категоризации, как это показал проведенный нами эксперимент, который будет описан далее.

Согласно современным моделям восприятия дискурса, существуют три уровня восприятия текста: поверхностная структура, текстовая база и ситуативная модель (situation model) [6; 8; 11]. Поверхностная структура – это собственно форма текста, его словесное наполнение и синтаксическая структура. Ситуативная модель – это представление событий, к которым апеллирует текст. Это уровень интеграции текстовой информации и информационной базы читателя. Текстовая база – это система пропозиций, репрезентирующих смысл текста [13, р. 920].

Эксперимент Ф. Шмалхофера и Д. Главанова [12] подтверждает эту идею. Испытуемые, которым давали задание обобщить

содержание текста, конструировали текстовую базу, тогда как испытуемые, которые должны были описать опыт, сходный с представленным в тексте, давали ситуативную репрезентацию текста.

Мы в своем эксперименте предпочли другой вид задания: нами было предложено испытуемым следующее: группе реципиентов вслух был прочитан текст короткого рассказа и была высказана просьба в свободной форме изложить в письменном виде то, что они запомнили из прочитанного. Нам хотелось дать испытуемым возможность свободно, без ограничений выбрать любые необходимые им для интерпретации типы категоризаций значения текста. Для анализа мы выбрали рассказ В. Шаламова «Инжектор».

Текст рассказа представляет собой рапорт, который пишет начальник участка «Золотой ключ», на котором работают ссыльные, начальнику золотого прииска о неисправной работе инжектора (важной детали бойлера, прогревающего грунт). Следом за текстом рапорта приводится комментарий, написанный наискось рапорта рукой начальника прииска. Начальник прииска, не поняв, что инжектор – это прибор, предлагает поместить его в роту усиленного режима. Основной сложностью для понимания является именно этот иронический момент, возникающий в связи с неверным пониманием (разновидность иронии ситуации – вещь посчитали человеком). Соответственно, базовыми метапропозициями текста являются следующие: <люди работают в тяжелых условиях>, <инжектор в бойлере неисправен>, <начальник участка просит начальство о помощи>, <начальство решает наказать инжектор>, <начальство принимает прибор (инжектор) за человека>. Последняя из пропозиций представлена косвенно, так как ошибка начальства в тексте нигде ошибкой не называется, и читателю самому необходимо сделать вывод об ошибочности точки зрения начальства. Таким образом, данную пропозицию будем считать выводимой, а в случае наличия выводимых уже на ее основе суждений (например, «наказание не по адресу») будем считать формой пропозициональной

категоризации. Данная выводимая пропозиция является ключевой для понимания текста, и мы сосредоточимся на том, как она была представлена через различные категоризации.

Из 32 полученных нами интерпретаций (участниками эксперимента были студенты-филологи) 5 интерпретаций (16%) не содержали категоризаций и являлись кратким пересказом в 1-м лице.

Чистая пропозициональная категоризация (уровень текстовой базы) без каких-либо предваряющих ее категоризаций встречается достаточно редко (особенно, если задание обобщить содержание не сформулировано конкретно; в нашем случае мы получили лишь 3 пропозициональных категоризации). Видимо, к ней способны те студенты-филологи, которые ясно представляют себе процедуру анализа текста и способны «перешагнуть» через другие типы категоризаций. Примером такой категоризации может служить следующая: «Текст рассказа “Инжектор” – это рапорт по поводу сломанного инжектора начальнику тюрьмы. Текст рапорта явно понят неправильно: слово «инжектор» расценили как фамилию заключенного, отказывающегося работать. Эмоции, вызванные рассказом, смешанные: очень комично представлена “непроходимость” руководства, но в связи с этим становится бесконечно грустно, что такое имеет место». В качестве пропозиции выступают следующие формулировки: «текст рапорта явно понят неправильно» и «непроходимость руководства».

Из трех работ, содержащих пропозициональную интерпретацию, одна интерпретация была сделана на основе неверного вывода: «В рассказе вся проблема заключена в человеке по имени Инжектор. Видно, не зря автор называет человека термином (это название какого-то механизма). С помощью имени раскрывается конфликт. Плохое отношение к работе “механического” человека ставит под угрозу работу всех».

Ситуативная категоризация (уровень ситуативной модели) может быть представлена следующими формами: сюжетной реконструкцией (через переосмысление событий,

описанных в тексте и установление связи между ними), прагматической категоризацией (через осмысление поступков и характеров в смысловом контексте целого), исторической категоризацией (через соотнесение с реальными историческими событиями), биографической категоризацией (через соотнесение с событиями из жизни автора), интертекстуальной категоризацией (через соотнесение с другими текстами), эзотерической категоризацией (через нахождение в тексте тайных, обращенных к избранной аудитории смыслов), символической категоризацией (через соотнесение со значением общеизвестного символа или через приписывание слову в контексте произведения символического значения).

Как и следовало ожидать, подавляющее число категоризаций на уровне ситуативной модели текста были сюжетными реконструкциями (17 из 32, т. е. 53%). Сюжетное выстраивание рассматривается нами не как категоризация, а как реконструкция, так как важнейшие для категоризации макропроцедуры генерализации и истолкования при сюжетном выстраивании не производятся (мы опираемся здесь на точку зрения Т. А. Ван Дейка, который считает, что базовыми для ментального моделирования текста являются метапроцедуры генерализации, истолкования, стирания и сокращения [5]). Большое количество сюжетных реконструкций объясняется, видимо, не только тем, что сюжет не изобилует событиями и не требует сложных трансформаций в сознании; полагаем, что современный читатель приучен средней школой к подобного рода реконструкциям, и потому именно к сюжетным построениям он в первую очередь прибегает. Из 17 сюжетных построений 5 «имели выход» на пропозициональную категоризацию, остальные в лучшем случае содержали констатации следующего рода: «В ответе на рапорт написано, что заключенного Инжектора решено отстранить от работы». Насколько в этом случае образ «инжектора» переосмыслен реципиентом не ясно, так как вербализация просто могла этого переосмысления не отразить.

Самым важным для нас в нашем эксперименте было выявление того, насколько другие категоризации (помимо пропозициональной) способны помочь выведению «на поверхность сознания» базовой имплицитной пропозиции (в нашем случае, «начальство принимает за человека механизм»). Мы предположили, что одна категоризация в принципе может отражать другую, тем самым, обеспечивая полноценное восприятие текста. Нами были обнаружены два случая «обобщения» пропозиции (вместо «начальство принимает за человека механизм» – «непонимание», «неверная адресация наказания», «к людям относятся как к механизмам»). Оба случая отражения встретились в прагматических категоризациях: «Главной причиной разлада в работе на прииске является неработающий инжектор. Несмотря на жалобы, начальство *не хочет понимать, что происходит*, и почему работа стоит. А ведь надо уметь слушать людей и видеть корень *недопонимания*, а не замыкаться на строгом выполнении буквы закона. В этом, по-моему, и суть»; «Рассказ Шаламова – это рапорт чиновника на золотом прииске. Это объяснительная записка, почему бригада заключенных простаивает. Тот, кто пишет, явно испуган, что его обвинят. Он повторяет, что уже писал о простом и извиняется за простой. Но все равно ясно, что *и чиновник, и его начальник к заключенным относятся как к дровам или механическим приспособлениям*. Поразила деталь: в ноябре – минус 50 (плевок на лету замерзает)». Нам встретился случай пропуска выводимой пропозиции с выходом на обобщение (через историческую категоризацию): «От горного инженера Кудинова Королеву пришел рапорт. В нем говорится о неисправной работе инжектора. Из-за того, что он плохо работает, невозможно подготовить грунт, и работа простаивает. Чем же все это заканчивается? *Наказаны-то люди*. Собственно, этим все и заканчивается (*как всегда в этом государстве*)».

Рассматриваемая нами имплицитная пропозиция – не единственная пропозиция,

закрывающая в себе идею абсурдности происходящего, описываемого в рассказе. Атмосфера абсурда представлена в рассказе некоторыми деталями. В приводимых далее символических категоризациях реципиенты строят ассоциативную цепочку, берущую свое начало в тексте: «Участок называется “Золотой ключ” (золотой ключик от страны счастья, постоянно бьющий ключ блага – воды, золота и т. д.)»; «Удивило, что группа называется “Золотой ключ”, хотя это группа заключенных» (читатель перенес название прииска на название группы). В том же ключе написана и следующая сюжетно-прагматическая интерпретация: «Время происшествия – 12 ноября. Обстоятельства – страшный холод. Сломан градусник, пять дней плохо работал инжектор, наконец, он вышел из строя. Отогреть грунт нечем, костры разводить нельзя, вернуть бригаду в барак тоже. Бригада безлика и находится в *мучительной и бессмысленной ситуации*».

Отражение поверхностной структуры в сознании реципиентов имело форму композиционно-графического переосмысления (5 интерпретаций, т. е. 16%). Оно строилось в соответствии с тем, как запечатлелась в памяти реципиента форма подачи информации. В нашем случае в интерпретациях получила отражение схема *рапорт – ответ на рапорт (текст – ответ)*:

«Письмо-жалоба:

<...>

Ответ на письмо:

<...>».

Два интерпретатора обратили внимание на то, что решение начальства было написано наискосок и поверх самого рапорта (несмотря на устную форму презентации текста рассказа, графический образ перечеркнутого письма получил сознательное осмысление). В остальных интерпретациях была запечатлена схема, которая, видимо, хранится в форме шаблона в памяти и которую не так легко заменить на другой графический зрительный образ, причем даже в том случае,

когда автор уделяет этому особое внимание. Все графические категоризации имели выход на пропозициональную категоризацию. Возможно, это связано с тем, что графическая форма «визуализирует» конфликт между двумя точками зрения.

Таким образом, рассматривая имплицитный аспект интерпретации текста читателем, мы обращали внимание на следующее: 1) насколько прямо или косвенно представлена пропозиция текста (текстовая база); 2) насколько осознается текстовая база при вербализации (хотя вербализация не всегда выявляет степень осознания, реципиент может счесть ненужным название пропозиции); 3) к категоризациям какого типа читатель прибегает при интерпретации (если сюжетная реконструкция характерна для подавляющего большинства реципиентов, то интертекстуальная, например, достаточно редка) и сопутствует ли им пропозициональная категоризация; 4) существует ли корреляция между имплицитной (выводимой) базовой

пропозицией (их может быть несколько) и другими категоризациями; 5) каково количество категоризаций (количество категоризаций свидетельствует о многогранности используемого при интерпретации подхода, о навыке интерпретации).

Проведенное исследование позволило показать, что имплицитность – это не только имплицитная информация в форме невыраженных пропозиций методом расширения, как это принято считать [10], но и обобщения от самих имплицитных пропозиций через художественные категоризации. Во многих случаях обобщения от имплицитных пропозиций могут коррелировать (например, обобщение «абсурд» через категоризацию «золотого ключа» и обобщение «абсурдная ситуация» от «ошибочно принятого за человека устройства»), что позволяет важнейшей для текста макропропозиции текстовой базы «абсурд» не быть потерянной для читателя и является способом сохранения смыслового потенциала текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богин Г. И.* Школа рефлексии и рефлексивности// Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Барнаул: Изд-ва АлтГУ, 2000. С. 41–51.
2. *Дейк Т. А. ван и Кинч В.* Стратегия понимания связного текста// Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
3. *Рафикова Н. В.* Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. Тверь: Изд-во Тверского университета, 1999.
4. *Barsalou L. W.* Perceptual Symbol Systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. N 22. P. 577–660.
5. *Dijk T. A. van.* Pragmatic Macro-Structures in Discourse and Cognition. URL: <http://www.daneparie.com>, 2000. P. 99–105.
6. *Fletcher C. R., Chrysler S. T.* Surface Forms, Textbases, and Situation Models: Recognition Memory for Three Types of Textual Information // Discourse Processes. 1990. N 13. P. 175–190.
7. *Fontanini Ingrid.* Reading Theories and Some Implications For the Processing of Linear Texts and Hypertexts // Linguagem & Ensino. Vol. 7. 2004. N 2. P. 165–184.
8. *Glenberg A. M., Langston W. E.* Comprehension of Illustrated Text// Pictures Help to Build Mental Models // Journal of Memory and Language. 1987. N 31. P. 129–151.
9. *Houwer Jan De, Moors Agnes.* How To Define and Examine the Implicitness of Implicit Measures// Implicit Measures of Attitudes (Eds. B. Wittenbrink, N. Schwartz). Guilford Press, 2007. 294 p.
10. *Labov W., Fenshel D.* Therapeutic Discourse. Psychotherapy as Conversation. New York: Academic Press, 1977.
11. *Perrig W., Kintsch W.* Propositional and Situational Representations// Journal of Memory and Language. 1987. N 31. P. 129–151.
12. *Schmalhofer F., Glavanov D.* Three Concepts of Understanding a Programmer's Manual: Verbatim, Propositional, and Situational Representations// Journal of Memory and Language. 1986. N 25. P. 279–294.

13. Zwaan R. A. Effect of Genre Expectations on Text Comprehension// Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. Vol. 20, 1994. N 4. P. 920–933.

14. Zwaan R. A. The Immersed Experience: Toward an Embodied Theory of Language Comprehension// The Psychology of Language and Motivation (Ed. B. H. Ross). New York: Academic Press, 2004.

REFERENCES

1. Bogin G. I. Shkola refleksii i reflektivnosti// Metodologiya sovremennoy lingvistiki: problemy, poiski, perspektivy. Barnaul: Izd-va AltGU, 2000. S. 41–51.

2. Deyk T. A. van i Kinch V. Strategiya ponimaniya svyaznogo teksta// Novoye v zarubezhnoy lingvistike. M.: Progress, 1988. S. 153–211.

3. Rafikova N. V. Psikholingvisticheskoye issledovaniye protsessov ponimaniya teksta. Tver': Izd-vo Tverskogo universiteta, 1999.

4. Barsalou L. W. Perceptual Symbol Systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. N 22. P. 577–660.

5. Dijk T. A. van. Pragmatic Macro-Structures in Discourse and Cognition. URL: <http://www.daneparie.com>, 2000. P. 99–105.

6. Fletcher C. R., Chrysler S. T. Surface Forms, Textbases, and Situation Models: Recognition Memory for Three Types of Textual Information // Discourse Processes. 1990. N 13. P. 175–190.

7. Fontanini Ingrid. Reading Theories and Some Implications For the Processing of Linear Texts and Hypertexts // Linguagem & Ensino. Vol. 7. 2004. N 2. P. 165–184.

8. Glenberg A. M., Langston W. E. Comprehension of Illustrated Text // Pictures Help to Build Mental Models // Journal of Memory and Language. 1987. N 31. P. 129–151.

9. Houwer Jan De, Moors Agnes. How To Define and Examine the Implicitness of Implicit Measures// Implicit Measures of Attitudes (Eds. B. Wittenbrink, N. Schwartz). Guilford Press, 2007. 294 p.

10. Labov W., Fenshel D. Therapeutic Discourse. Psychotherapy as Conversation. New York: Academic Press, 1977.

11. Perrig W., Kintsch W. Propositional and Situational Representations// Journal of Memory and Language. 1987. N 31. P. 129–151.

12. Schmalhofer F., Glavanov D. Three Concepts of Understanding a Programmer's Manual: Verbatim, Propositional, and Situational Representations// Journal of Memory and Language. 1986. N 25. P. 279–294.

13. Zwaan R. A. Effect of Genre Expectations on Text Comprehension// Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. Vol. 20, 1994. N 4. P. 920–933.

14. Zwaan R. A. The Immersed Experience: Toward an Embodied Theory of Language Comprehension // The Psychology of Language and Motivation (Ed. B. H. Ross). New York: Academic Press, 2004.